

ГЛАВА I

СОЛНЦЕ

Я увидел ее в праздничный день, День благодарения. Матери наши дружили. У ее матушки было четыре дочери, а у моей — четверо сыновей. Должно быть, они как-то встретились на базаре и задумали совместный ужин, вроде смотрин.

5

В тот день мы с братьями работали возле дома. Ничего толком не зная об этом плане, мы возились со сломанной телегой, измазавшись с ног до головы. Девушки приезжали поодиночке, каждая в свое время. Когда первая, самая старшая, слезла во дворе с коня, то увидела только чумазые физиономии парней, пялившихся на нее из-под тележной оси; она была необычайно красивой, у нее были черные волосы и темные глубокие глаза. После того как она вошла в дом, мы работали спустя рукава, пока не приехала вторая. Это была блондинка, крепко сбитая и такая же ослепительно красивая, как и сестра. К ее приезду мы уже были на ногах, пытаясь привести свою одежду в божеский вид.

Позже, совсем как в сказке, появилась и третья — темноволосая красавица со смеющимся лицом и веселыми глазами. Она прошла мимо нас к входной двери, где ее ожидала моя матушка. Достаточно было ее мимолетного взгляда, чтобы мы бросили телегу и принялись усердно драить свои руки и лица. Потом в небольшом фургончике прикатила мать четырех сестер, рядом с ней сидела ее младшенькая — стройная тихая девушка с золотыми локонами. Вечернее солнце катилось за дом, утопая в золоте и багрянце, и когда его лучи нежно касались этого прекрасного лица, то вся она казалась вторым — нет, первым! — солнцем... И вот уже мы все сидим в доме. Тепло и уютно, весело пылают свечи, на столе вкусная еда и везде незабываемая атмосфера юности и красоты — неповторимое девичье очарование.

На следующее утро среди посуды оказался небольшой горшочек, в котором наши гости привезли вчера закуску, сейчас уже не помню какую. Думаю, это была первая из тех случайностей, что вели меня потом всю мою жизнь и которые раз от разу все меньше казались мне случайностями. Матушка повернулась ко мне и спросила, не хочу ли я вернуть горшочек хозяйке. Ее глаза, казалось, говорили о том, что мне необходимо это сделать, что есть важная причина сходить туда. Ну, я и пошел.

У ее матери были точно такие же говорящие глаза, когда она открыла мне дверь и взглянула на меня. Я протянул ей горшочек, да так неловко, что слегка переступил порог, чем вынудил ее вступить в беседу, которая, казалось, все равно была запланирована. И тогда я спросил, не возражает ли она, если ее златовласая дочь станет

прогуливаться со мной по вечерам. Легкая улыбка тронула ее губы, она внимательно посмотрела мне в глаза своими добрыми карими глазами и сказала, что это будет здорово.

Сначала я вел ее знакомыми путями. Она шла рядом, а меня распирала гордость от того, что она не вырывала свою руку из моей. Я плохо разбирал дорогу, потому что прядь ее волос касалась моего плеча, и взор мой туманился. Вскоре мы оказались на какой-то тропинке, которую я совсем не знал. Стало темно. В той то ли степи, то ли пустыне, где мы жили, всегда быстро темнеет по вечерам в начале зимы.

Этот момент навсегда врезался в мою память, ведь тут-то и началось мое обучение. Но не тому, о чем пишут в учебниках, о чем рассказывают в школьных классах, где я успел провести уже немало времени, а действительно важным вещам, первостепенную значимость которых мы понимаем только с возрастом, — короче, тому, что связано с жизнью духа. Именно тогда я впервые лицом к лицу узрел величайшего врага человечества, и это она показала мне его, как показала и благородного воителя, который призван сокрушить этого грозного врага, если только смерть не опередит его.

Она привела меня в Сад, окруженный каменными стенами. На западе к нему примыкала небольшая каменная же часовня. Правда, в ту первую ночь я разглядел только громадное дерево — необычайная редкость в нашей-то пустыне! — с огромным толстеньким стволом и длиннущими ветвями, свисающими вниз наподобие шатра, укрывающего и от ночи, и от всего внешнего мира. Я прислонился спиной к дереву, а она прижалась ко мне; по всей длине моей ноги, там, где к ней прикасалась нога девушки,

я почувствовал нестерпимый жар, — казалось, само солнце опалило меня. С тех пор мне почти не приходилось встречаться с тем, чтобы человеческое тело было таким почти неправдоподобно, сверхъестественно горячим.

Мне взбрело в голову рассказать ей о своей учебе, о почерпнутых из каких-то книг чужих идеях, с которыми я тогда носился, похвалиться перед ней школьными успехами и растущим авторитетом среди одноклассников. Я уже открыл было рот...

Она просто взглянула на меня чуть снизу своими чудными карими оленьими глазами. Ее веки были полуприкрыты, как будто она испытывала непонятное мне наслаждение. Взглянула — и я ничего не смог сказать. Мне достаточно было этого томного взгляда, чтобы понять: моя истинная задача лежит не в области научных изысканий, а в овладении самим собой, в преодолении своей гордости. Вот чему научила меня эта совсем молодая — много младше, чем я, тогда еще шестнадцатилетний, — девушка. И тут же, словно в награду, она приникла щекой к моему сердцу, и роскошные золотые волосы ее обдали меня, словно водопадом.

Меня охватило какое-то необычное, новое, не испытанное ранее волнение — так вожделение вошло в мою жизнь, чтобы стать ее вечным спутником, моим грозным и очень серьезным противником. Я протянул было руки, чтобы коснуться ее маленьких грудей, но она снова подняла на меня глаза. Они раскрылись несколько шире, и на этот раз в них отчасти даже сверкнула строгость. Я вдруг понял, что не могу пошевелить даже пальцем. И в этот момент эти самые глаза преподали мне второй урок — я почувствовал, как мое сердце входит в иное измерение, в обитель добродетели.

И она повернулась, и взяла меня за руку, и увлекла меня прочь из Сада, по-прежнему не говоря ни единого слова. На меня же тем временем нахлынуло какое-то разочарование, я ощущал себя обманутым и уязвленным. Но как только эти чувства прояснились во мне, она остановилась, круто развернулась и в третий раз взглянула на меня.

Невозможно описать увиденное тогда, но я все же попробую. Золотой ангел стоит передо мной в полный рост, руки по бокам и слегка приподняты, ладони обращены ко мне, сверкающие золотые волосы ореолом обрамляют лицо, а само это лицо сияет в свете луны, взошедшей над тем самым деревом, — как сейчас помню, это была чинара — позади нас. Степной ветерок слегка шевелит ее шелковую блузку и приподнимает юбку. И глаза, снова эти глаза, на этот раз вопрошающие — разве я имею право сердиться, не важно, сейчас или вообще, на нее или на любое живое существо? Разве я еще не понял, что с этого момента и навсегда начинается мой истинный Путь, посвященный единственно тому, чтобы научиться побеждать темноту и этим даровать жизнь, бесконечную жизнь золотому свету в своем собственном уме?

Так я получил от нее путевку в ту жизнь, о которой собираюсь рассказать, а когда мы расставались, она сказала только: «Прикоснись уже к Солнцу; Оно тебя не опалит».

ГЛАВА II

БОЛЬ

Время шло, а она всё водила меня в Сад, продолжая давать мне всё новые и новые уроки, которые когда-то начались там. Это всегда случалось по ночам, и всякий раз, как только мы проходили через калитку, она больше не произносила ни слова — все обучение шло через ее глаза, ее руки и волосы, ее прикосновения. Занятия обрели привычную форму. Обычно я думал лишь о тепле и аромате, исходивших от нее, а она молчала и размышляла — о чем, я так толком и не знаю.

Похожие на двух юных влюбленных, мы проводили вместе долгие часы во взаимном созерцании — то познавая друг друга, то снова откидываясь на траву под чинарой, то слушая журчание струй фонтана или пение ночных птиц, то просто наслаждаясь легким степным ветерком, обдувающим наши тела. И всякий раз, когда омраченная мысль, вызванная гордостью или страстью, завистью или непониманием, неприязнью или даже ненавистью, посещала мой ум, мой взгляд неизменно встречался с ее глазами. Обычно полузакрытые в неиз-

вестном мне удовольствию, они вдруг становились жесткими, почти осуждающими, и тогда я понимал, что она ясно видит, о чем я думаю, и мне ничего не оставалось, кроме как взглянуть, будто в зеркало, на самого себя, на свой ум, осознать бесполезность и нечистоплотность моих мыслей и попросту прервать, остановить их поток на полуслове.

Уже в самой этой остановке мыслей было своего рода удовольствие, но была и другая награда: как только мои порочные мысли становились праведными, в следующую же секунду она поощряла меня, как ребенка, которому дают конфетку за хорошее поведение, только вместо конфетки был поцелуй, прикосновение локоня или другая какая ласка. Вот так она и натаскивала меня в Саду, как молодого щенка, учила следить за своими мыслями и за своим умом и стараться держать их в возвышенной чистоте.

У этих ночных уроков был свой ритм и свой темп, а параллельно с ними продолжалось мое школьное обучение, мое познание окружающего мира. Уроки в Саду казались какими-то неземными, да они и были такими — не от мира сего; но еще чаще мне казалось, что мои дневные занятия реальнее, важнее и нужнее. Я здорово опережал своих одноклассников, это осознание превосходства наполняло меня силой вперемешку с гордостью. Оба эти чувства достигли своего пика, когда мне вдруг пришло письмо от самого императора, скрепленное и его собственноручной подписью, и царской печатью, приглашающее меня проследовать в столицу, быть представленным ко двору и поступить в Императорскую академию. Это было мечтой любого деревенского паренька, и редко кому из нас выпадала такая честь. Зажав письмо в руке,

я вскочил в седло и поскакал к дому ее матери, чтобы поделиться с Золотым ангелочком моим успехом.

Это был необычайный урок, лучший из всех, полученных мною, на этот раз по предмету «гордыня». Никогда не забуду ее взгляд, тем более что это был чуть ли не последний раз, когда мы с ней виделись. Она полулежала на кушетке, раскинув пышные золотые волосы по ее спинке, одетая в простую коротенькую сорочку, то здесь, то там вышитую красными розами и отливавшую шелком, очень похожим на японскую золотую парчу, а может, и не парчу, — нечасто в те времена попадались такие ткани в наших краях. Я ворвался в комнату, спеша показать ей приглашение с царской печатью и милостивыми словами государя, и развернул перед ней письмо.

«Это от самого царя! Только подумай, меня представляют ко двору и принимают в Императорскую академию!» Но в ее взгляде я снова не увидел ни малейшего намека на то, что она хотя бы услышала мои слова, — она, как всегда, подняла на меня совершенно невинные карие глаза, слегка затуманенные наслаждением, так что их можно было принять за глаза самки оленя или другого какого животного, — столько в них было бесхитростности, а может, наоборот, всеведения. И снова не было слов, было только зеркало, в котором я разглядел свою все возрастающую самонадеянность. Я притормозил было, но вовсе остановиться не смог; еще год не кончился, как я уже уехал в столицу навстречу своей судьбе и карьере.

За пару секунд можно рассказать то, на что ушли у меня годы: я пообвык и пообтерся и в столице, и при дворе, и в Академии, а те, в свою очередь, перемололи меня. Мои преподаватели были так хорошо подготов-

лены — глубоко, но узко, — что я учился много, а узнал от них мало. Я вернулся домой с самой почетной ученой степенью, но чувствовал себя опустошенным и слегка потерянными.

К тому же я потерял ее след — и матушка моя умерла, и братья разъехались кто куда, а с ними исчезла и всякая возможность отыскать ее. Меня непреодолимо влекло в тишину Сада: мне было совершенно ясно, что тщетно искать ее где-то еще, во внешнем мире, а вот если я стану приходить в Сад и смогу раскрыть секрет этого места, то обязательно снова встречу ее там. И тогда я нашел небольшое жилье неподалеку, где можно было читать и заниматься сочинительством, а по ночам стал наведываться в Сад. Часами я бродил по его дорожкам, сидел на деревянной скамеечке под чинарой или стоял у калитки, ожидая, не покажется ли она из-за поворота.

И вот как-то раз, когда я был погружен в молитву, обращенную к одной-единственной цели, то почувствовал, как сзади из темноты кто-то подошел ко мне. Сердце мое забилося, глубочайшая благодарность за то, что молитва моя услышана, охватила меня, я обернулся и с надеждой поднял глаза. Но сверху на меня смотрело совсем другое лицо. Я пригляделся и, к своему удивлению, обнаружил, что прямо здесь, передо мной, наяву стоял величайший мастер древнетибетского учения Великий Цонгкапа. Он был точно таким, каким мы привыкли его видеть на многочисленных статуэтках-копиях, изготовленных более пяти сот лет назад: ни красоты, ни доброты в облике. А ведь бесконечное сострадание и высочайшее учение могли бы уже оставить на этом лице свои благородные следы, которые мы обычно ожидаем или представляем.

Вместо приветливой безмятежности — пронзительный взгляд строгих глаз на крошечной, с кулачок, лопухой голове, почти невидной из-за огромного носа, подобного ястребиному клюву. Но главное — это ощущение мощи, наполненной всепобеждающим состраданием, требовательным состраданием, состраданием, зовущим к действию.

— Да нет ее здесь, — просто сказал он. — А лучше сказать, ты видишь сейчас перед собой только меня, старого тибетца, но я могу тебе помочь в твоих поисках, должен даже — ведь ты и так потратил впустую прожитые тобой годы, а если не усвоишь, как следует, уроки этого Сада, то и остаток твоей жизни — псу под хвост.

— Это я-то потратил жизнь впустую? — возмутился я. — Да я в Императорской академии учился, я научную степень там защитил с отличием! Да таких, как я, у нас — один на миллион, да никто еще таких успехов никогда не добивался!

— И все же я опять скажу: ты зря прожил эти годы. Вот чего стоит, что дает тебе эта бумажка для подтирки — диплом Императорской академии?

— Ну как же? Я могу стать преуспевающим адвокатом, или доктором, или добиться высот в любой другой всеми уважаемой профессии и достичь преуспевания в ней, преуспеть то есть.

— Преуспеть? — переспросил он вызывающе, стянул меня со скамейки и поставил перед собой. Когда я увидел, какого он маленького роста, то почувствовал себя много уверенней, несмотря на его драчливую позу.

— Преуспеть, — ответил я, — это необязательно значит разбогатеть. Я знаю, что богатство не приносит счастья и не может быть единственной целью жизни, — мы

проходили это на занятиях по философии. Я имею в виду некоторый достаток, благосостояние, которое делает человека и его семью материально независимыми.

— Обеспеченная семья, удобное уютное жилье, все накормлены, все довольны... И, по-твоему, этому стоит посвятить жизнь? Разве это не значит выбросить ее на ветер?

— Конечно, нет, такая жизнь будет потрачена не зря, это хорошо прожитая, полноценная жизнь, в ней есть цель и смысл.

При слове «смысл» он вздрогнул. Несмотря на сумерки, я увидел, как он слегка побледнел и уставился на меня своими ястребиными глазами, казавшимися еще более ястребиными из-за огромного носа и ястребиной же хватки, с которой он вцепился в мою руку.

«Хороший дом, хорошая жена, что еще надо человеку, чтобы встретить старость!» — подумал он, а вслух спросил: — Итак, ты считаешь, что провести эту жизнь в боли и страдании, не пошевелив и пальцем, чтобы избавиться от этой боли и страдания, — значит не потерять ее впустую?

— Погоди, — смутился я. — Конечно, если бы в жизни были только боль и страдания, то ты прав. Но ведь жизнь прекрасна, в ней есть свои радости, хороший дом, хорошая жена, взаимная забота любящих людей, дружба добрых приятелей...

— Значит, тебе не больно, — сказал он и потащил меня за собой по лужайке куда-то в сторону северной стены, в которой была калитка. — Так, значит, это не больно — сломать ногу, порезать руку или пережить смерть родителей?

Теперь уже вздрогнул я, вспомнив, как потерял свою собственную мать.

— Конечно, больно: все, что ты перечислил, доставляет боль, да ведь жизнь-то состоит не из одной только боли; боль приходит и уходит, и это случается не каждый день и даже не каждый год, и едва ли можно найти такого человека, в жизни которого не было бы ничего, кроме боли, не было бы прекрасных минут и даже счастья.

— Счастья? Какого еще счастья? — спросил тибетец.

— Как это какого? — снова изумился я. Да, этот настойчивый коротышка — Великий Цонкапа во плоти, — семенивший сбоку от меня, вовсе не тянул на великого философа. Я почувствовал разочарование не только в его внешности, но и в его вопросах. — Ну вот взять хоть счастье, которое доставляет ребенок, радостный, здоровый, улыбающийся карапуз!

— Я правильно понял, что твоя идея счастья воплощена именно в этом — в личике веселого малыша?

— Ну да, — ответил я. — Именно в этом веселом личике. Кто будет оспаривать его красоту? Кто смог бы найти здесь боль или страдание?

Он резко остановился, развернулся и взглянул на меня со смешанным выражением гнева и жалости.

— Этот малыш... — заговорил он, — этот малыш... Разве ему не предстоит столкнуться с ужасными бедами? Разве ему не предстоит пережить смерть своих любимых родителей — отца и матери? Разве он не увидит катастрофы, войны, насилие и ненависть людей друг к другу?

И если он проживет долго, то разве не придется ему смириться с утратой всего, что ему дорого, а в конце жизни превратиться в немощного беззубого седого старца?

И разве этот прекрасный сегодня смех младенца не станет завтра предсмертным хрипом?

Я был ошеломлен его напором.

— Конечно-конечно, все это весьма возможно...

— Возможно?! — Он почти кричал на меня своим пронзительным голосом. — Возможно?! А тебе не кажется, что все это более чем возможно, а на деле практически неизбежно?

— Хорошо, пусть так. Любой младенец в детстве весел и счастлив, потом он видит все эти ужасы и становится хилым и беспомощным страдающим старцем.

— Так как же ты можешь говорить, что лицо этого ребенка прекрасно? — продолжал наезжать на меня Цонгкапа.

— Вот так и могу, — с полной уверенностью в своей правоте ответил я. Слова возражения хлынули потоком откуда-то изнутри, без напряжения, естественным образом. — Это ж очевидно: младенцу хорошо и весело *сейчас*, в данный момент, это *сегодня* он так прекрасен, когда, смеясь, смотрит на нас своими чудными глазенками. И пусть потом он состарится, пусть он насмотрится ужасов этой сумасшедшей жизни, все равно вот прямо *сейчас*, в дни его детства, он пока еще радостен и красив,

— Так, значит, это приятно, — проговорил он уже мягче и как-то задумчиво, — приятно и совсем не больно, если медленно, но с нажимом водить языком по лезвию бритвы?

Этот яркий образ снова поразил меня — голым языком да по сверкающему лезвию, брр-р!

— Конечно, больно, еще как больно! Порезаться ведь можно.

— А теперь представь, — продолжал он, — что бритва обильно смазана медом; представь, что она спрятана под слоем меда так, что ее не видно. И вот ты лижешь мед, наслаждаясь его теплым сладким вкусом, еще не зная, что в нем бритва, и вдруг, лизнув в очередной раз, понимаешь, что разрезал себе язык.

— Это будет очень больно и вовсе не приятно. Трудно представить себе боль острее. Если лизать мед, а при этом лизнуть лезвие бритвы и поранить язык, то это будет одна только боль.

— Итак, ты хочешь сказать, — заговорил тибетец таким уверенным голосом, который я слышал в Академии у своего одноклассника во время игры в шахматы, хода за два до того, как тот ставил мне мат, — что лизать мед — не удовольствие?

— Лизать мед? — автоматически переспросил я. — Удовольствие.

— А лизать мед, если в нем бритва, которая располосит тебе язык на ленточки, — удовольствие?

— Ну говорили же уже, что нет, не удовольствие. Сколько можно?

— Итак, если удовольствие неизбежно сопровождается безграничным страданием, то можно сказать, что это не удовольствие?

— Да! — с торжеством сказал я.

— Так-то вот! — торжествуяще заключил он и показал мне лицо младенца: оно было прекрасно и радостно, на нем не было ничего, кроме страдания.

ГЛАВА III

МЕДИТАЦИЯ

Слова Учителя Цонгкапы и, как мне сейчас представляется, смерть моей матушки сильно подействовали на меня. Не то чтобы я был подавлен или впал в отчаяние; внешне я жил обычной жизнью, продолжал свои научные исследования, занимался литературной деятельностью, обеспечивая себе вполне пристойный, хотя и скромный достаток.

19

Однако мысли о жизненных путях и смерти стали постоянными спутниками в моем сознании, из одного всегда следовало другое.

Да, моя мать прожила хорошую и плодотворную жизнь; вырастила детей, много сделала для страны, всегда и без всяких раздумий шла навстречу нуждам людей, помогая не только своим, но и чужим. Но зачем все это было нужно, если она все равно состарилась и умерла в страшных муках от рака, если все, ради чего она жила: ее сыновья, ее дом, плоды ее труда, — тоже рассыплется в прах и будет позабыто совсем скоро после того, как позабудут ее саму? Пример ее жизни был доказательством

тех слов, что сказал мне в Саду Цонгкапа: даже то, что кажется или считается хорошим и красивым, таковым на деле не является, если неизбежно должно закончиться болью и смертью. Мне вообще казалось, что Цонгкапа появился там благодаря моей матери, ведь он пришел в Сад, уже зная мои проблемы и имея ответы на мои вопросы.

Смерть и пути этой жизни определяли мои мысли в течение нескольких месяцев, и, в конце концов, я был вынужден искать уединения в небольшом скиту недалеко от нашего степного городка. Там оказался добрый, праведный и образованный настоятель, который приветливо принял меня, отвел мне для жилья маленькую тихую келью и закрепил за мной должность помощника хранителя богатого книжного собрания в усадьбе одного помещика неподалеку. Я проводил много времени за изучением священных текстов, еще больше — в мыслях о жизненных путях и смерти, пока наконец не почувствовал, что ответ на мои вопросы существует и что я смогу его отыскать. Я всей душой устремился на поиски этого ответа, этого истинного Пути. Меня снова потянуло назад, в Сад. И вот я опять оказался там в ранние сумерки, в то время года, в самом начале весны, когда в воздухе разливается сладковатый запах первоцвета, степь начинает зеленеть робкой травкой, а за каменной оградой моего любимого Сада одеваются нежной листвой розовые кусты. Я снова хотел встретить ее там.

На этот раз ждать пришлось недолго, да и разочарование не заставило себя ждать: я почувствовал, что кто-то идет ко мне в темноте от калитки, но это были совсем не ее шаги. Это была не летящая походка юной богини, а мерная, но вместе с тем бодрая и деловитая поступь,

вдобавок ко всему весьма тяжелая. Я обернулся и увидел великого Мастера медитации Камалашилу.

Он не имел ничего общего с тем образом, который мы привыкли рисовать в своем воображении; я ожидал разглядеть в его лице и теле суровую внешность аскета: попробуй-ка час за часом неподвижно сидеть в глубокой медитации на краю каменной скалы где-то в Гималаях, да еще и одиннадцать столетий назад. Но теперь я видел живого человека, а не плод своего воображения, и он был совсем не похож на этот плод. Он был среднего роста, его монашеские одежды были слишком высоко подоткнуты — почти до колен, что придавало ему несерьезный вид — просто мальчуган какой-то. Его темнокожее индийское лицо тоже вполне соответствовало такому определению: полные щеки, всегда готовые расплыться в улыбке, смешной толстый нос, недобритые пучки седых волос на макушке, но самое главное — постоянно смеющиеся сверкающие глазки, вполне отражающие его собственное настроение.

21

— Ты хочешь найти Путь! — сказал он утвердительно.

— Конечно! — поспешно ответил я, потому что, узнав истинное страдание, наполняющее этот мир, не мог больше спокойно сидеть и дожидаться, когда спасение само свалится ко мне в руки.

— Ну и почему бы нет? — засмеялся он. — Нет-то почему?

— Я хочу узнать, почему умерла моя мать, — угрюмо промолвил я, — хочу знать, мог ли я хоть как-то ей помочь, а может быть, и сейчас еще смогу сделать что-нибудь для нее. А еще я хочу понять, неужели все должно происходить так, как происходит всегда.

— Да! Да! — прокричал в ответ Камалашила. — Еще как сможешь! *Почему нет-то?* Тебе надо научиться медитировать!

С этими словами он плюхнулся на траву около чинары, помнящей так много нежных ночей, проведенных с ней под этим покровом.

Жестом он пригласил меня сесть рядом с ним. Я немного занимался медитацией с друзьями по Академии, кое-что об этом читал, так что, недолго думая, уселся на землю, выпрямил спину, сложил ноги крест-накрест, закрыл глаза и постарался вообще больше ни о чем не думать.

Индиец хихикнул и звонко хлопнул меня по спине.

— Не спи, замерзнешь! *Ты что же это такое делаешь?* — весело спросил он.

— Медитирую! — гордо ответил я.

— А вот стометровку ты побежал бы без разминки? — снова радостно обратился он ко мне.

— Ну уж нет.

— Вот и давай сделаем *разминку!* — засмеялся мой наставник и вскочил на ноги.

— Разминку? Это как? — сварливо переспросил я, хотя поднимаясь и представляя себе всякие там отжимания, приседания, растяжки и прочие неприятные вещи.

Первый раз Камалашила взглянул на меня чуток поостроже.

— Все хотят медитировать! Никто не знает — как! *Приступаем к правильной разминке!* — приказал он.

— Да что за разминка-то такая?

— Начнем с *уборки!* — крикнул он и забегал вокруг газончика, ловко нагибаясь, несмотря на кругленький животик, и поднимая редкие опавшие листья и ветви. Вско-

ре поверхность газона стала чистой и гладкой. Она так и сияла в лунном свете, как бы приглашая сесть помедитировать. — Вот так и в комнате своей прибирай, ладно?

— Уговорил, — буркнул я, усаживаясь.

— Не забудь про *подношения*! — завопил он.

— Какие еще подношения? — поинтересовался я.

— *К нам идут очень важные гости!* — хихикнул в ответ Камалашила. — К их приходу надо подготовить достойные подарки!

Я с сомнением покосился на калитку Сада, ожидая, что оттуда прибежит целая толпа развеселых практиков медитации вроде его самого, и, никого не увидев, переспросил:

— Кто-то к нам идет?

— Не беспокойся, тебе их не увидеть! — ответил индеец и, подойдя к деревянной скамейке, достал из-за пазухи мешочек с крошечными глиняными чашечками, которые он тут же начал выстраивать в ряд. Наполнив водой из фонтана три из них, он подошел к кусту терновника, произнес в его адрес что-то похожее на молитву или просьбу, после чего сорвал с его макушки цветок и поместил его в четвертую чашечку.

В пятую чашечку пошли побеги шалфея и можжевельника, кусты которых росли вдоль ручья, вытекавшего из фонтана, а для шестой он собрал немного сухой травы. Сорвав плод с мандаринового дерева, Камалашила очистил его, положил несколько долек в седьмую чашечку, а остальное с удовольствием съел сам, не забыв сунуть одну дольку мне в руки. Все это время он говорил не переставая.

— Представь, — продолжал индеец, жуя мандарин, — что некто очень важный возьмет да и появится

в этом Саду сегодня ночью, во время нашей практики. Может, это будет даже сама великая царица с золотыми волосами и в золотой короне... — Тут он лукаво подмигнул мне, как будто знал, почему мое сердце вновь и вновь приводит меня сюда, под сень чинары. — Ведь тебе же не захочется перед такими гостями упасть лицом в грязь? Ведь их надо встретить согласно законам степного гостеприимства!

— А кого ты ждешь? Конкретно кого? — спросил я.

— *Следует* пригласить Просветленных! — приснул он. — Как можно медитировать, если их нет рядом? Как можно медитировать, пока не приведешь сюда, хотя бы мысленно, своего Сердечного Учителя?

Эти последние слова — Сердечный Учитель — глубоко поразили меня, отозвавшись сердечной болью в моей груди, ибо я понял, что не могу представить себе иного «Сердечного Учителя», чем моя золотая Леди.

— Ну вот, — продолжал меж тем Камалашила, склонившись над чашечками, — расставим их как подобает. Первая чашка с водой у нас будет хрустальным бокалом с прекрасным напитком, подходящим для чествования высокого гостя. Еще одна чашка с водой. — Он двигал чашками, как ловкий наперсточник на базаре. — Это будет тазик с теплой водой из минеральных источников, подходящий для омывания ног дорогого гостя, утомленных долгим странствием. В третьей — цветок. Кто ж не любит цветов! — Камалашила глубоко вдохнул запах раскрывшегося бутона. — Потом благовония. — И с этими словами мой наставник поджег ароматные веточки можжевельника и шалфея, чиркнув огнем, которое он проворно вытащил из бездонных складок своей хламиды.

— Тебе не надоело всегда таскать с собой все эти штуки? — хмуро спросил я.

Камалашила медленно повернулся и взглянул мне в лицо. На этот раз он был сама серьезность.

— Хочешь встать на Путь? Должен медитировать! Хочешь медитировать? Должен делать разминку! Не надоело, нет! Таскаю, да. Всегда и везде. И медитирую... всегда и везде! Во что бы то ни стало.

В его умелых руках от тлеющих ароматных угольков загорелась сухая трава в следующей чашечке.

— Зажечь светильник в честь прихода гостя — первое дело! Так, теперь ставим в ряд эту чашечку с водой; тут у нас будет благовонная мазь для натирания тела гостя — напряги уже свое воображение и получи удовольствие: думаю, найдется кое-кто, кому ты с большой радостью поднесешь именно этот ароматный дар. — Он покосился на меня как-то странно, удивительно напомнив мне кого-то очень знакомого. — Наконец последняя чашка в этом ряду. Сюда мы кладем дольку мандарина. Это — подношение еды нашему благородному гостю.

25

«Интересно, когда же мы начнем медитировать, да и начнем ли вообще», — подумалось мне.

Он почувствовал, а может, и прочитал мои мысли, потому что сказал с раздражением:

— Это не напрасная трата времени. Необходимо правильно поднести дары.

— А что, они действительно принимают эти подношения? — спросил я.

— Да нет, конечно, — ответил индиец. — Ты думаешь, они, эти Просветленные, нуждаются в еде, чтобы насытиться, или в воде, чтобы утолить жажду?

— Ну а раз нет, — резонно переспросил я, — то к чему весь этот балаган? Мы вроде бы медитировать собирались.

— Хочешь быстро бегать? Научись *разминаться*! Ты не сможешь медитировать, если здесь не будет Просветленных, не сможешь медитировать, если здесь не будет твоего Сердечного Учителя, не будет его помощи, его благословения, его поддержки. Поднося дары, ты сам себе напоминаешь, что хочешь, чтобы все они были с тобой: «Пожалуйста, придите, побудьте со мной немного, пока я медитирую».

И вдруг совершенно неожиданно Камалашила задрал голову и затянул благозвучную песнь, больше похожую на какую-то молитву. Его лицо приняло ангельское выражение, глаза были закрыты, но, казалось, видели там, в наполненном звездами небе над нами, кого-то из тех, кому предназначалось это подношение.

Он замолчал, опустил голову и весело взглянул на меня.

— Это последний дар, мое любимое подношение, — всегда услаждай их слух музыкой, прежде чем сядешь медитировать.

— Ну теперь-то мы наконец сядем? — спросил я, все же слегка сбавив тон, потому что нельзя было не восхищаться красотой того места для медитации, которое только что создал в Саду Камалашила, нельзя было не почувствовать то благоговение, добро и уверенность, которые он зародил в моем сердце, да и песня была к месту. Разминка явно удалась, пора было переходить к медитации.

— Да почему *нет-то*? Пора садиться! — провозгласил он. Я начал было усаживаться, как вдруг почувствовал, что его рука снова поднимает меня на ноги.

— Ну что опять не слава богу?

— А поклониться? — удивился Мастер, как будто это само собой разумеется. С этими словами он сложил ладони у груди и поклонился с величайшим почтением, как будто перед ним и правда стоял один из великих Просветленных. Потом медленно опустился на газон.

Я повторил требуемое упражнение и тоже уселся было на траву, но тут он опять вскочил на ноги и запрыгал вокруг меня, как резиновый мячик. К тому времени он уже так достал меня, что я думал только о том, как много времени мы потеряли, и, не обращая внимания на его прыжки, сердито уставился куда-то вдаль.

— Где твоё сиденье? У тебя что, нет подушки для медитаций? Спина ведь должна быть приподнята! — Он схватил меня за плечо, потянул вперед и засунул мне под копчик комок какого-то тряпья, которое чудесным — а каким же еще? — образом появилось из-под его монашеской одежды.

В следующий момент он уже хватал меня за лодыжку левой ноги, крича:

— Положи пятку на правое бедро! Сядь ровно! — И шлепками ладоней выпрямляя мне спину. — Опusti правое плечо вниз, оно должно быть на одном уровне с левым. — А так он выравнивал мои плечи. — Голову ровно! И чему вас только в Академии учат?

Я уже был готов придушить этого жизнерадостного великого магистра.

— Не наклоняй ее вниз, не задирай ее вверх, просто держи ровно, и перестань уже заваливать ее влево! —

Его руки лежали у меня на висках, словно зажав мою голову в тиски. — Где твой язык?

— Язык во рту, где ж ему еще быть? — сострил я. Индиец, казалось, шутки не услышал, во всяком случае не засмеялся.

— Легко коснись им нёба сразу над передними зубами. Челюсти расслабь, все должно быть естественно, как обычно, — с энтузиазмом продолжал он. — Мы ведь не сможем медитировать, если всю ночь будем пускать слюни и сглатывать их, верно? *И перестань ты уже дышать ртом!* А то во рту пересохнет! — Наконец он привел мою позу в полный порядок, после чего, должен признаться, я почувствовал себя совсем неплохо.

— А разве я не должен скрестить обе ноги, положив пятки на бедра, как на всех этих ваших картинках? — спросил я.

— Хочешь сесть в «полный лотос»? Было бы неплохо, но сразу это вряд ли получится, вот когда ты попрактикуешь побольше... Ну и потом, здесь ведь что главное? Главное, чтобы тебе удобно было. Чтобы ты мог концентрировать ум, не отвлекаясь на боль в коленях. Если хочешь, мы вообще можем сесть вон на ту скамейку. — С этими словами он уселся рядом со мной, сразу одним ловким движением приняв позу полного лотоса.

Я закрыл глаза и вошел в состояние покоя. Здесь, в этом тихом Саду, здесь, в Саду моей златовласой богини, я наконец... снова услышал его жизнерадостный голос.

— Спокойной ночи! Ты зачем глаза-то закрыл, а?! — прямо мне на ухо гаркнул этот... великий Мастер медитации.

Я открыл глаза и сфокусировал взор на каменном узоре стены, что была прямо перед нами.

— Ну вы, ребята, даете! Вы вообще чем тут медитируете — умом или глазами? — спросил надоедливый Мастер.

Я злобно взглянул на него:

— Давай уже разберемся раз и навсегда: с закрытыми нельзя, с открытыми нельзя, с какими же тогда можно?

— Учись, студент, — ответил он и сел, держа голову прямо. Его глаза были наполовину прикрыты, а взгляд направлен вперед и слегка вниз. Я понял, что все дело было именно в том, что этот взгляд ни на чем не фокусировался, как будто Мастер был погружен в мечтательную задумчивость. — Если будешь слишком сильно отвлекаться, то глаза лучше закрыть, но помни, что твой ум привык засыпать именно в таком их положении, поэтому так медитировать очень непросто. Постарайся все же не открывать глаза слишком широко, иначе начнешь тарашиться вокруг, считать ворон и все такое. И позаботься о том, чтобы перед тобой была простая стена, или ткань в один цвет без узоров, или что-нибудь еще в этом роде, чтобы ничего не двигалось и чтобы взгляду не за что было зацепиться, — короче, чтобы ум ни на что не отвлекался.

Я сделал все, как он сказал, и почувствовал, как мой ум входит в чистое состояние сосредоточения. Я совсем уже приготовился очистить ум от мыслей, сделать его пустым...

Однако Камалашила уже снова был на ногах и бегал взад-вперед.

Надежда когда-нибудь помедитировать с этим величайшим Мастером медитации окончательно покинула меня.

— Ну что еще тебе надобно, старче? — Я все еще пытался шутить.

— Что это? Ты ничего не слышишь? — спросил он тревожным голосом.

Я снова прикрыл глаза и прислушался, но ничего не было слышно, кроме такого знакомого робкого журчания фонтана.

— Это всего лишь фонтан, вон там, у стены, — ответил я.

— Я пошел! — воскликнул он, наклонился над скамьей и принялся собирать чашечки.

— Что?! — вскочил я на ноги. — Потратить столько времени на подготовку, а теперь просто взять и уйти? Останься хоть на пару минут, дай мне помедитировать рядом с тобой, раз уж пришел!

— Невозможно, — заявил он. — Шумно, слишком шумно. Не годится для медитации. И как это я раньше не заметил? Невозможно медитировать под этот грохот. — Он указал на раздражавший его фонтан.

— Да не так уж он и шумит, — сказал я. — Давай хоть попробуем.

Камалашила серьезно посмотрел на меня:

— Ты просил меня показать тебе Путь. Я сказал, что без медитации нет и Пути. Теперь выбор за тобой: либо милый твоему сердцу фонтанчик, либо медитация. Либо твоя нынешняя жизнь, ведущая в никуда, своей бессмысленностью повторяющая жизнь твоей матери, либо Свобода. Свобода или фонтанчик! Ты теперь всегда будешь стоять перед таким выбором. Ну и стой, а я пошел.

В отчаянии я посмотрел вокруг и вдруг увидел кирпичи, из которых вокруг ствола чинары был выложен поребрик, или, по-столичному, бордюры. Я быстро схва-

тил один из них и накрыл им отверстие фонтана. Вода остановилась.

— Ну пожалуйста, давай хоть теперь помедитируем вместе! — смиренно попросил я.

— *А почему нет-то?* — хихикнул Мастер. И мы оба умиротворенно уселись на траве, намереваясь обрести еще большее спокойствие.

И вот прямо на моих глазах этот жизнерадостный коротышка совершенно преобразился. Левая рука легла ладонью вверх, на нее опустилась правая. Большие пальцы, слегка приподнятые над ладонями, соприкоснулись. Его сияющее лицо мгновенно изменилось, теперь оно выражало саму серьезность, было полностью расслабленным и умиротворенным. Оно излучало покой, который, казалось, вобрал в себя весь Сад, превратив его в обитель абсолютной тишины. Это был тот покой, которого я жаждал, тот покой, которого моя суетная жизнь никогда мне не позволяла испытать, поэтому я с готовностью уселся рядом с Мастером.

Однако безмолвия его хватило ненадолго — всего на несколько секунд. Вскоре он зашептал:

— А мы уже говорили с тобой о *разминке*?

— Говорили-говорили. — Я старался не говорить громче, все еще надеясь, что он снова вернется к медитации. — И не только говорили, но и проделали ее, забыл?

— Да я не про ту разминку, — прошептал он в ответ, — я про совсем *другую*.

— Что ты имеешь в виду? — испуганно спросил я, ожидая, что он вот-вот вскочит на ноги и снова весело запрыгает вокруг. Однако Мастер продолжал сидеть и оставался серьезным, на этот раз наставляя меня лишь словами.

— Прежде чем ты войдешь со мной в реальную медитацию, ты должен приготовить свои мысли. Иначе отстанешь и заблудишься.

— Научи меня, Мастер.

— Сперва научись внимательно следить за дыханием, вдохами и выдохами. Посмотрим, сумеешь ли ты сделать хотя бы десять циклов, не отвлекаясь умом.

Начни с выдоха и затем вдох. Запомни, одним циклом здесь считается цикл выдох-вдох, а не наоборот, как ты привык. Так вот попробуй досчитать до десяти циклов; поначалу ты не сможешь так долго удерживать свой ум, обязательно начнешь считать ворон, а не циклы.

Я попробовал и сразу понял, что он прав. Мне и до четырех-то не удавалось сосчитать, как мои мысли разбегались по Саду, летели к Ней...

— Довольно, — прошептал он через несколько минут. — Смысл наблюдения за дыханием состоит всего лишь в том, чтобы успокоить твой ум, осторожно вытащить его из вихря твоих суетных мыслей и начать сосредоточивать его внутри. Подсчет циклов дыхания — это не самоцель и не путь к освобождению. Теперь вспомни, зачем ты здесь: ты ищешь Путь; насколько мне известно, ты хочешь найти ответы на вопросы о смерти одной замечательной женщины и о той мудрости, с которой тебя познакомила другая. Ты должен понять прямо здесь и сейчас, что больше нигде нельзя получить ответы на эти вопросы, да их никто, по сути-то, больше нигде и не задает. Дети спрашивают, почему хорошие люди должны страдать и умирать, а взрослые учат их не задавать больше глупых вопросов, потом эти дети сами вырастают и говорят уже своим детям: «На эти вопросы нет ответов». Четко определись, зачем ты будешь медитировать

со мной. Не сходя с этого места, прими решение, что будешь медитировать ради настоящей цели, ради высшей цели, что будешь искать эти ответы на Пути. Не стремись к другим, меньшим целям: не трать свою жизнь попусту, не теряй даже тех нескольких минут, что мы проведем здесь вместе.

Я обдумал его слова и понял их истинность, почувствовал радость и правоту в такой медитации ради великой цели.

— А сейчас, прежде чем мы начнем медитировать, пригласи Просветленных; пригласи своего Сердечного Учителя, представь, что все они пришли сюда для того, чтобы помогать нам и направлять нас. Ты пока не можешь их увидеть, но — какие твои годы! — потом обязательно увидишь. Если они вообще есть, если они те, за кого мы их принимаем, то они обязательно услышат твой мысленный призыв и непременно придут. А теперь обратиться к ним со всей искренностью, с глубоким почтением пригласи их, и они непременно придут.

Я сделал все, как он велел, и мне показалось, что я чувствую Ее присутствие совсем рядом со мной. Сердце мое радостно и преданно забилося в груди.

— Мы уже поклонились Просветленным, перед тем как сесть; теперь поклонимся еще раз, мысленно. Но знаешь, в тот день, когда ты сам увидишь их наяву, ты будешь кланяться по-настоящему: никакая сила не удержит тебя в позе лотоса — ты припадеешь к их ногам в благоговейном трепете и безмерном счастье.

Я снова сделал все, как он сказал, и это снова оказалось тем, что нужно.

— Неплохо, неплохо, продолжай в том же духе. Многие люди в этом мире искренне желают приобщиться

к медитации, но обнаруживают, что им не удастся достичь глубин и высот медитации, потому что они не узнали, как войти в ее врата. Этим сейчас и займемся. Итак, представь себе все небо целиком.

Я так и сделал, представив себе распахнутый лазурный купол над моим степным селением.

— А теперь целиком наполни его благоухающими красными и белыми розами, поднеси их своему Сердечному Учителю и Просветленным и почтительно попроси их помощи.

Я продолжал выполнять его указания, и опять все вышло очень здорово: я почувствовал, что мой ум теперь гораздо ближе к глубокой медитации, хотя мы еще толком и не медитировали.

— Но и это еще не всё. Теперь давай очистим твою совесть, ибо никто не может медитировать, если совесть его нечиста. Вот еще, кстати, почему многие считают, что медитировать очень трудно, вот почему редко кто достигает глубин медитации и видит их чудеса. Твое сердце должно быть чистым, твоя жизнь должна быть чистой. Вспомни о том, что ты сделал, или о том, что ты сказал, или даже о том, что ты всего лишь помыслил с намерением навредить другому; сознайся себе в этом, будь предельно честным перед самим собой. Скажи себе: да, я это сделал; да, это не было добродетельным поступком, словом или мыслью; клянусь, что приложу все силы, чтобы такого больше не повторилось. Одна только эта очистка твоей совести и твоего сердца откроет твоему уму такие двери к медитации, о которых ты раньше и мечтать не смел.

Я тихо сидел и размышлял. Особо страшных преступлений не обнаружил, но вот мелких ежедневных пако-

стей и неприятностей, которые я доставил другим, — сколько угодно. Решительно и бесповоротно я вымел их из своего сердца.

— Неплохо, неплохо. Дальше — больше. А сейчас повеселимся! — радостно зашептал он. — Еще несколько необходимых шагов. Теперь сделаем наоборот: ты будешь думать о том, какие добрые дела ты делаешь ради окружающих людей, какие добрые слова говоришь им, вспоминать, какие добрые и непорочные мысли возникали и продолжают возникать в твоём уме. О, кстати, не забудь и о всяческих благодеяниях всех остальных людей, начиная с твоего Сердечного Учителя, после чего... да просто развеселись, почувствуй себя счастливым, порадуйся всему, что хорошо, всему, что есть добро.

Я воспроизвел это наставление, и оно отлично дополнило предыдущую очистку совести. Мой ум, казалось, почти разрывался от доброй энергии; я рвался медитировать подобно разгоряченному коню, готовому пуститься вскачь и грызущему удила.

— А теперь обратись к своему Сердечному Учителю и Просветленным с просьбой обучать и направлять на пути. А еще попроси, чтобы они продолжали представлять перед тобой всеми теми способами, которые имеются в распоряжении Просветленных существ. Ты и представить себе не можешь всех тех путей и всех тех мест, где они тебе могут явиться.

Пригласи их являться в виде твоих Учителей — но не только тех, которые выглядят как Учителя, но и в виде обычных мирских людей вокруг тебя — и учить тебя, всегда учить тебя, направляя и ведя по Пути.

С глубоким благоговением, которое сразу привело меня в состояние медитации, я исполнил сказанное.

— Ну и, наконец, ты должен взмолиться от всего сердца, умоляя их всегда оставаться рядом с тобой, зримо или незримо, поддерживая тебя и наставляя.

И это я повторил вслед за наставником, и от благодати этих мыслей вошел в состояние глубокой медитации, в полный покой. Чего, конечно, никак не мог вытерпеть великий Мастер всеобъемлющей умиротворенности Камалашила.

— Ну и как тебе покой? Здорово, правда? — спросил он шепотом.

— О... да... — Слова давались мне с трудом.

— И над чем же ты теперь медитируешь? — снова зашептал он.

— Я освободил свой ум и стараюсь не думать, а когда приходят мысли, то я просто наблюдаю, как они уходят.

Его тяжелое маленькое тело одним скачком преодолело расстояние между нами, и вот он уже снова кричал мне в лицо, на этот раз рассерженный не на шутку:

— Дураки! Ваша глупость бессмертна! Кретины, которых я разбил в пух и прах на философских диспутах более тысячи лет назад, оказывается, и сейчас живее всех живых! Ухожу! Ухожу в монастырь! — С этими словами он снова склонился над скамьей, собирая священные чашечки.

— Постой! — вскочил я. — Что я не так делаю? Да растолкуй же мне, что я делаю не так!

Глубоко и тяжело дыша, Учитель сел на травку передо мной, скрестил ноги и близко наклонился ко мне, почти касаясь моего лица. Затем взор его смягчился, и он спросил почти нежно:

— Ты хочешь помочь своей матери?

— Конечно, — ответил я. — Ты же знаешь, зачем я пустился в Путь.

— Тогда подумай сам — что пользы в том, чтобы просто сидеть, сохраняя свой ум в пустоте в течение часа? Разве животные, разные там хомячки-кролики, не тем же заняты? Разве пьянчуги, что валяются под столом после очередного стакана пошла, не тем же заняты? Разве их ум не пуст и спокоен, пусть и не очень долго? Подумай уже об этом, а заодно скажи мне, зачем мы, по-твоему, медитируем?

— Мы медитируем, потому что ищем истину, а истина заключается в тишине медитации.

— Верно. Только наполовину. Медитация — это не цель, а средство, инструмент. Это топор, очень острый топор, которым мы рубим дерево. Рубка дерева — это мудрость, абсолютная мудрость, само сердце Пути. А вот медитация ради медитации — это то же самое, что пустить топориче на растопку, вместо того чтобы с его помощью нарубить дров. Какова цель Пути?

— Я надеюсь отыскать ответы на вопросы, почему моя мать умерла так мучительно, почему она вообще умерла, почему все мы — и хорошие, и плохие — страдаем и умираем; почему вся эта жизнь, труд всей жизни, плоды этого труда, обращаются в прах и боль. Вот в чем цель Пути для меня.

— Все правильно, так и должно быть. Ну и что, ты вправду думаешь, что если сможешь сидеть здесь часами, днями или месяцами, опустошая свой ум, то найдешь ответы на эти вопросы? Ты думаешь, что так ты освободишься от болезней, от утрат дорогих тебе вещей и близких людей? Ты думаешь, что освободишься от самого старения или удержишь энергию тела и ума, поки-

дающую тебя день ото дня, — одним словом, ты думаешь, что не умрешь?

— Думаю, что ты прав: думаю, что даже если я смогу усидеть здесь, освобождая свой ум до пустоты, сохраняя спокойствие и безмятежность в течение длительного времени, стойко снося жару и холод, дожди и зной, то все равно я когда-нибудь заболею, неизбежно состарюсь, не смогу больше сидеть здесь и наконец умру.

— Ну а раз так, пожалуйста, — настойчиво прошептал он мне, — пожалуйста, послушай меня хорошенько, и ты научишься истинной медитации, научишься использовать ее для наших конкретных целей.

Камалашила снова уселся рядом со мной, но на сей раз он устраивался с такой основательностью, что мне показалось, что больше он уже никогда не вскочит.

— Есть три способа медитации, — начал он, не покидая свою медитативную позу. — Начнем с первого. Мысленно представь себе образ твоего Сердечного Учителя.

Это было легко сделать и легко удержать: видеть Ее — пусть даже всего лишь внутренним взором — всегда было для меня и отдыхом, и утешением.

— Первым врагом медитации, — снова зашептал он, — является некая разновидность лени: иногда просто нет настроения медитировать.

Поэтому будет очень неплохо — и мы это проделали — напомнить себе о неотложной и священной необходимости нашей медитации. А еще очень неплохо, — тут он хихикнул, — выбрать такой объект для медитации, чтобы он был не только важным для практикующего, но и доставлял ему радость. Думаю, сегодня ночью ты ленишься не будешь. Теперь время от времени, — продолжал мой наставник, — я буду щелкать пальцами. Я хочу,